

такую общественною средой, которая далѣе всего отошла отъ него. Таковъ законъ природы и жизни, и несмотря на недѣльные и смѣшныя формы, въ которыхъ онъ иногда проявляется, только онъ обезпечиваетъ отъ застоя. Тамъ, гдѣ невозможно движеніе впередъ, благодаря ли кастамъ, дѣлающимъ невозможнымъ существенныя перемѣны въ общественномъ и экономическомъ положеніи отдѣльныхъ лицъ, или благодаря искусственно устанавливаемому равенству всѣхъ, одинаково исчезаетъ одинъ изъ главныхъ мотивовъ человѣческой дѣятельности.

„Наконецъ, пятое условіе счастья, говоритъ гр. Толстой, есть здоровье и безболѣзненная смерть“. Это условіе, конечно, менѣе всѣхъ остальныхъ можетъ вызвать какія-либо сомнѣнія, такъ какъ безъ здоровья никакія блага въ жизни, конечно, никогда не могутъ доставить не только прочнаго счастья, но даже и краткаго удовольствія.

Разумѣется, тоже весьма желательно, чтобы смерть была безболѣзненная, хотя и нѣсколько неожиданно встрѣтить ее въ числѣ условій земнаго счастья. Но и это условіе, какъ и другія по теоріи Л. Н. Толстого, сводятся къ первымъ двумъ, то есть къ жизни въ деревнѣ и къ труду. Всѣ усовершенствованія цивилизаціи, комфорта, гигиеническихъ условій, по мнѣнію графа Толстого, имѣютъ мало или почти никакого значенія. Такимъ образомъ, основаніемъ какъ личнаго счастья, такъ и обще-